

ИТО НАГИТУНЕ



Felix Movsisyan

Ито Нагитуне

«Автор»

2026

Movsisyan F.

Ито Нагитуне / F. Movsisyan — «Автор», 2026

Обычная жизнь, обычный университет, обычная девушка, которая любит его без остатка. Только одна проблема: внутри него живёт что-то древнее, голодное и очень терпеливое. Ито Нагитуне ждал два века, привязанный к его роду древним проклятием. Он молчал, пока герой учился держать маску нормальности — с помощью старого часовщика, который знает о Бездне больше, чем готов признать. Но маска не выдерживает вечно. Когда контроль начинает рушиться, а внутренний голос становится громче собственных мыслей, героя ждёт выбор, который нельзя отменить: бороться до конца — или сдаться той силе, что обещает наконец перестать бояться. Пятьдесят пять печатей удерживают границу между мирами. Одна уже сорвана. И то, что начиналось как попытка спасти себя, может обернуться концом всего, что он когда-то любил.

© Movsisyan F., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Шепот в виске»	5
«Склеп и Прах»	7
«Жертвы тишины»	9
«Девять лет тишины»	11
«Инвазия»	13
«Обыденность Бездны»	15
«Вскрытие Бездны»	17
«Скрижаль и Тень»	19
«Иллюзия Света»	21
«Ревность Скрижали»	23
«Слияние Бездны»	26
«Обращение и контроль»	29
«Герметичный узел»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Felix Movsisyan

Ито Нагитуне

«Шепот в виске»

Первая часть: **ИТО НАГИТУНЕ: НИТИ БЕЗДНЫ.**

Фолл-Ривер, Массачусетс

Февраль, 2017 г.

Говорят, что время — это прямая линия. Но в нашей семье оно всегда было петлёй, которая медленно затягивается на горле каждого следующего поколения. Моя история началась не с моего рождения, а задолго до него, в холодном 1800 году, в замке, который до сих пор снится мне каждую ночь.

Сейчас мне шестнадцать, родился 12 мая 2000 года. Врачи называют моё состояние — артериальной гипертензией неизвестного происхождения. Они смотрят на цифры на тонометре — 160, 180, 190 — и разводят руками. Они не видят того, что вижу я. Они не чувствуют, как в моём правом виске пульсирует не кровь, а чей-то чужой, древний ритм. Тягучий, тяжелый, пахнувший железом и старым камнем.

Всё началось, когда мне исполнилось девять. Девять лет тишины, прерванных первым запахом крови в моей детской комнате. Тогда я впервые увидел Его — существо без лица, сотканное из серого распада, которое я называю Ито Нагитуне. Он не просто призрак. Он — хозяин замка, который ждал два столетия, чтобы цикл замкнулся.

На моей руке горит шрам. Это не просто след от ожога или пореза. Это метка, оставленная его касанием в том — низу, куда он утягивает меня во снах. Касание, которое превратило мою жизнь в ожидание возвращения в те стены, где мой предок совершил роковую ошибку, осквернив мертвого. Если вы читаете эти строки, значит, дверь уже приоткрыта. И она больше не закроется.

Врачи называют это гипертензией. Они выписывают таблетки, которые должны расширять сосуды, но как можно расширить то, что сжимает костлявая рука существа, которое старше самого космоса? Когда давление переваливает за 180, мир вокруг меня начинает трещать. Звуки машин за окном превращаются в невнятный гул, а голоса людей — в шелест сухой листвы. В такие моменты я не просто чувствую боль. Я слышу, как там, внутри черепа, вибрируют те самые серые нити. Каждая пульсация — это удар в гонг, зовущий меня обратно в 1800-й год. Иногда мне кажется, что моя голова — это не часть тела, а маленькая комната в том самом замке, где Ито Нагитуне расставляет свою невидимую мебель.

Мой шрам на руке — это не просто рубец. Это карта. Иногда, когда я вхожу в транс, он начинает светиться тусклым, мертвенным светом. В эти секунды я проваливаюсь — вниз. Там нет неба, только бесконечные своды, переходящие в бездну, где всё жутко меняется. Там пахнет кровью так сильно, что кажется, её можно черпать горстями. Я сначала думал, что это моя кровь, проверял ладони, но они были чисты. Этот запах остается со мной до конца дня, пропитывая одежду и мысли. В том мире Ито Нагитуне не скрывается. Он стоит в полный рост, и его размытое лицо — это зеркало, в котором я вижу самого себя, но спустя тысячи лет распада. Ты — это я, только на земле, — шепчет он, и я просыпаюсь с криком, обнаруживая, что вся моя комната пропитана железным ароматом бойни».

Но Ито Нагитуне не ограничивается моими снами. Он просачивается в реальность, как чернильное пятно на чистой бумаге. Неделию назад, когда я шел по улице, я увидел голубей. Они вели себя странно: не взлетали, не ворковали. Они стояли плотной серой стеной, перекрывая мне дорогу, словно безмолвный караул. Один из них взлетел и сел мне прямо на руку, впиваясь

когтями в шрам. Его глаза были не птичьими — в них отражались бесконечные коридоры того самого замка.

А вчера, возвращаясь из школы, я встретил её. Женщина в хиджабе при минус тридцати. На ней не было куртки, а её голова была неестественно изогнута, асимметрична, словно кости черепа внутри были сломаны и собраны заново. Она шла впереди, но когда я поравнялся с ней, она начала оборачиваться. Медленно, с сухим хрустом позвонков.

Она смотрела не на меня, а сквозь меня, туда, где за моей спиной всегда стоит Он. В тот миг мой шрам на руке под пуховиком начал гореть так, будто в него впрыснули жидкий свинец. Это не был просто холод — это было присутствие Бездны в самом центре замерзшего города. Моя мама, будучи эмпатом, видит это. Я чувствую её страх, когда она проходит мимо моей комнаты, стараясь не смотреть мне в глаза. Она знает, что я — не просто её сын. Я — живой ключ. И время, отведенное нам этим миром, стремительно истекает. Гул в моем виске становится всё громче, и я понимаю: мне пора вернуться туда, где всё началось. В 1800-й год. В склеп, где была пролита первая кровь.

«Склеп и Прах»

Замок в 1800 году не был величественным памятником архитектуры. Он был живым организмом, который медленно переваривал тишину окружающих лесов. Мой предок, человек, чьё безумие стало фундаментом моей нынешней болезни, спускался в фамильный склеп. В его правой руке дрожал факел, отбрасывая на сырые стены тени, которые казались длиннее и чернее обычного.

Запах... он начался ещё на верхних ступенях. Это не была вонь разложения. Это был густой, сладковатый аромат свежего железа. С каждым шагом вниз давление в его черепе росло, точно так же, как оно растёт во мне сейчас, когда я пишу эти строки. Он подошёл к саркофагу, на котором не было имени. Только странный, угловатый символ, вырезанный в камне.

Поддавшись чужой воле или собственному проклятию, он замахнулся тяжёлой тростью с серебряным набалдашником. Удар! Мраморная крышка треснула с сухим, костяным звуком. Внутри лежал «мертвый» — существо, чьё лицо было стерто временем, но тело было окутано сетью пульсирующих серых нитей. Предок ударил его прямо в разможенную челюсть.

В ту же секунду из мёртвого рта вырвался не прах, а мощный поток тёплой, металлической крови. Она брызнула ему на руки, на лицо, пропитывая одежду. Но страшнее крови была тонкая серая нить, которая вытянулась из пустоты и коснулась его запястья. В этот момент пламя факела погасло, и в абсолютной темноте склепа впервые прозвучало имя: Ито Нагитуне.

Когда тьма в склепе стала осязаемой, она начала давить на грудную клетку, вытесняя воздух едким запахом свежего железа. Мой предок стоял неподвижно, чувствуя, как по его лицу стекает теплая, липкая жидкость. Он вытер глаза рукавом, но мир вокруг не прояснился. Вместо этого он увидел их.

Тонкие, едва заметные серые нити начали светиться мертвенным светом прямо в пустоте. Они тянулись из разможенной челюсти мертвеца, оплетая руки предка, проникая под манжеты его рубашки. В этот миг его правый висок прошила такая боль, что он рухнул на колени. Это был первый в истории нашего рода приступ той самой гипертензии, которая спустя два века будет разрывать мои собственные сосуды.

Он выбрался из подземелья на ощупь, ведомый не зрением, а шепотом, который вибрировал в его костях. Имя Ито Нагитуне пульсировало в такт его бешеному сердцу. Выйдя на поверхность, он обнаружил, что замок изменился. Стены казались мягкими, пульсирующими, словно всё здание превратилось в гигантское горло, готовое проглотить его семью.

На следующее утро за завтраком его мать уронила серебряную ложку. Она смотрела в свою тарелку с овсянкой, но видела там не еду.

— Сын, — прошептала она, и её голос был похож на шелест сухой травы. — Почему в твоих волосах серая паутина? И почему от тебя так пахнет бойней?

Она была первой. Семь дней до конца. Ровно неделю она не выходила из своей комнаты, утверждая, что стены сдвигаются, а серые нити плетут кокон вокруг её кровати. На седьмую ночь замок затих. Когда мой предок вошел в её покои, он не нашел следов болезни. Она просто застыла, став такой же серой и сухой, как тот мертвец в склепе. И только на её шее, как тонкое клеймо, виднелся след от нити.

Отец моего предка был человеком иной закалки. Он не верил в

— серую паутину и шепот стен, пока смерть жены не выжгла в нем остатки рассудка. На восьмой день, сразу после похорон, он велел запрягать карету. Он хотел сбежать, забрать сына и уехать как можно дальше от этого проклятого места, надеясь, что границы замка удержат в себе ту гниль, которую они разбудили. Но замок не выпускал своих должников.

Стоило копытам лошадей коснуться камней под аркой главных ворот, как воздух вокруг зазвенел, превратившись в натянутую струну. Отец внезапно схватился за голову — его правый

висок пульсировал так сильно, что кожа на нем посинела. Он рухнул на землю, задыхаясь от невидимой хватки на горле. Лошади, чувствуя присутствие чего-то, что старше самого космоса, в ужасе заржали и попятились назад, вглубь двора. Невидимая преграда, сотканная из ледяного холода и густого запаха бойни, отшвырнула их назад.

Следующие семь дней превратились в медленную, осознанную пытку. Отец не бредил, как мать. Он просто... исчезал. Его кожа становилась прозрачной, как пергамент, и сквозь нее проступали не вены, а черные, как смола, нити Ито Нагитуне. Врачи, вызванные из города, лишь в ужасе крестились, не в силах объяснить, почему здоровый мужчина высыхает на глазах.

— Смерть от неизвестности — так они записали в своих отчетах. Но мой пращур видел правду: существо выпивало его жизнь по капле, превращая живую кровь в серый пепел.

На седьмую ночь замок снова погрузился в тяжелое, липкое затишье. Отец умер, так и не издав ни звука, оставив моего предка один на один с наследством, которое теперь официально вступило в свои права. Цикл был запущен. Мой предок остался в этих стенах один, зная, что теперь он — лишь сосуд для того, кто ждет своего часа, чтобы вернуться через сорок пять лет.

«Жертвы тишины»

Замок никогда не бывал по-настоящему пуст. Даже когда мой род оставлял эти стены, в них оставалось нечто, что требовало дани. За два века в эти залы пытались заехать другие семьи. Люди, ослеплённые красотой старой архитектуры и дешёвой землёй, не знали, что покупают место в очереди на тот свет. Для них замок становился не домом, а огромным каменным желудком.

Первая семья заехала туда в середине девятнадцатого века. Молодой торговец, его жена и двое близнецов. Они смеялись, внося мебель в залы, где мой предок когда-то сходил с ума от шёпота Ито Нагитуне. Но смех смолк уже в первую ночь. Им казалось, что замок играет с ними: вещи перемещались сами собой, а из пустых коридоров доносился запах свежего железа и гнили.

Семь дней. Это был неизменный срок.

На четвёртый день близнецы перестали разговаривать. Они просто сидели на полу в главной зале и рисовали углём на паркете странные, угловатые символы — те самые нити, которые я теперь вижу в своих снах. На седьмое утро торговец проснулся в абсолютной тишине. Его жена и дети не просто умерли — они высохли, превратившись в серые, пустые оболочки, из которых выкачали всю жизнь до последней капли. На их шеях виднелись те самые следы, похожие на петли из пепла.

— Смерть от неизвестности — снова и снова писали врачи, унося тела из этих проклятых стен.

В 1920-х годах, когда мир бредил электричеством и прогрессом, в замок прибыла группа исследователей из Европы. Пятеро мужчин в строгих костюмах, обвешанные громоздкими приборами для фиксации «аномальных эманаций». Они верили, что всё можно измерить: силу тока, частоту звука, даже страх. Они не знали, что Ито Нагитуне смеется над их попытками познать Бездну с помощью медных проводов.

На второй день их пребывания все часы в замке остановились. Механизмы не просто замерли — шестеренки внутри них превратились в серую труху, словно время в этих стенах решило пойти своим, гнилым путем. Руководитель группы, профессор Грант, первым почувствовал то самое давление. Вечером за ужином он схватился за правый висок. Его лицо искажилось, а сосуды в глазах лопнули, заливая белки багровой пеленой. Тонометр, который он в шутку наложил на свою руку, лопнул с сухим хлопком, не выдержав напора его крови.

— Здесь пахнет... — прошептал он, и из его рта вырвался густой пар. — Здесь пахнет железом, которое старше этого мира.

На пятый день профессор перестал выходить из своего кабинета. Его коллеги слышали через дверь странный звук, похожий на шелест сотен насекомых. Когда они решились войти, Грант сидел за столом, вцепившись пальцами в столешницу так сильно, что дерево треснуло. Его висок вздулся, пульсируя с такой силой, что казалось, кожа вот-вот лопнет. Профессор не кричал. Он только шептал:

— Нити... они не снаружи. Они внутри моих вен. Они качают не кровь, они качают Бездну.

К седьмому дню от группы не осталось ничего человеческого. Записи в их дневниках превратились в бесконечные ряды угловатых символов, похожих на переплетение нитей. Последняя запись была сделана дрожащей рукой: «Мы не исследователи. Мы — корм. Дверь приоткрыта, и Он уже здесь».

На седьмую ночь по коридорам пронёсся вздох. Это не был ветер. Это было само здание, завершившее очередной цикл питания. Когда утром полиция ворвалась внутрь, они обнару-

жили лишь пять пустых костюмов, аккуратно лежащих на кроватях. Внутри не было ни плоти, ни костей — только тонкий слой серого пепла, пахнувшего свежезабитым скотом и древней пылью. Замок снова погрузился в тишину, ожидая того, в ком течет нужная кровь. Ожидая меня.

Я видел этих людей. Девять лет спустя после моего рождения, в своем первом осознанном сне внизу, я встретил их. Они стояли в бесконечном зале, где стены пульсировали багровым, и их лица были размыты, стерты той же силой, что создала Ито Нагитуне. Они не были призраками. Они стали частью архитектуры этого места, его строительным материалом. И тогда я понял: каждый, кто умирает в этих стенах от неизвестности, на самом деле просто возвращается к своему истоку. К Нему. И теперь Он ждал меня, чтобы я принес Ему самую ценную жертву — кровь Его собственного рода.

Последняя попытка заселить замок была предпринята в 1965 году. Тогда в эти стены приехала женщина, чье происхождение было окутано тайной. Она всегда носила хиджаб, скрывая лицо, и никогда не выходила из своей комнаты до заката. Слуги, которых она наняла в соседней деревне, шептались, что она не ест и не спит — она только слушает стены.

На пятый день её пребывания в замке начались странности. Местные жители видели, как вокруг здания кружат сотни голубей, которые не взлетают, а просто стоят на карнизах, уставившись в окна мертвыми глазами. Воздух в округе стал тяжелым, пропитанным запахом свежего железа, а у всех, кто приближался к воротам, начинал нестерпимо пульсировать правый висок.

На седьмую ночь замок снова потребовал дань. Женщина исчезла. Но она не умерла так, как другие. Когда полиция вошла в её спальню, они обнаружили, что зеркала в комнате стали серыми и непрозрачными, словно их затянуло пеплом. А в центре комнаты стоял её хиджаб — пустой, сохранивший форму тела, но внутри не было ничего, кроме холодного воздуха и серых нитей, уходящих прямо в паркет.

Именно её я встретил на улице спустя сорок пять лет. В минус тридцать, без куртки, с той самой жуткой асимметрией головы, она обернулась и посмотрела на меня. В её глазах не было жизни — там был только замок. И тогда я понял: Ито Нагитуне не просто убивает. Он коллекционирует. Он собирает оболочки тех, кто не выдержал Его присутствия, чтобы они служили Ему стражами в нашем мире. И теперь они все смотрели на меня, ожидая, когда я приду, чтобы занять своё законное место во главе этого мертвого воинства.

«Девять лет тишины»

Чтобы вы поняли, почему в мои шестнадцать я слышу этот звон в черепае, нам нужно вернуться в 2010 год. Тогда мне было девять лет.

Я родился в день, когда небо над городом стало неестественно серым, цвета того самого пепла, который мой предок вдыхал в склепе в 1800 году. Погода в те часы сошла с ума: посреди жаркого лета внезапно ударил мороз, а ветер за окнами роддома выл так, будто сотни голосов одновременно шептали одно и то же имя. Мама рассказывала, что в момент моего появления на свет во всей больнице на мгновение погас свет, а когда он включился — все зеркала в палате покрылись тонкой сетью серых нитей.

Моё детство прошло под знаком странного, липкого затишья. Но стоило исполниться девять лет, как барьер между мирами окончательно треснул. Погода начала резонировать с моими снами. Каждый раз, когда во сне я видел замок, в реальности начинался жуткий катаклизм: небо окрашивалось в багровый цвет, а облака закручивались в тугие узлы, напоминающие пульсирующие сосуды Ито Нагитуне.

В то утро, когда я впервые ощутил запах крови в своей комнате, на улице стоял мертвый штиль. Птицы замолкли, а воздух стал таким густым и металлическим, что его было больно вдыхать. Я подошел к окну и увидел, что всё небо затянуто странной серой дымкой, сквозь которую солнце просвечивало как гнилое глазное яблоко. Мой правый висок пульсировал в такт грому, который гремел где-то глубоко под землей, а не в облаках. Замок звал меня, и природа вокруг корчилась от этого зова.

Мама называла это «Пепельным небом». Каждый раз, когда Ито Нагитуне подходил слишком близко к границе моих снов, солнце над нашим городом тускнело, превращаясь в белесое пятно, а облака застывали в неподвижных, рваных формах, похожих на клочья грязной ваты. В такие дни птицы не просто затихали — они падали замертво прямо на лету, а у прохожих на улицах без причины начинала идти кровь из носа. Весь мир вокруг резонировал с моей артериальной гипертензией, словно город превращался в один огромный, пульсирующий висок.

Мама ощущала это раньше всех. Как эмпат, она улавливала приближение Бездны еще за сутки до того, как небо начинало менять цвет. Она молча занавешивала все окна в доме тяжелой черной тканью и зажигала свечи, хотя на часах был полдень. Я видел, как её руки дрожали, когда она подносила мне стакан воды. Она знала: когда небо становится пепельным, я ухожу — вниз.

В тот день, когда мне исполнилось девять, пепел посыпался прямо с потолка моей детской. Это не была пыль — это были микроскопические частицы того самого склепа, где мой предок когда-то разбил челюсть мертвецу. Я лежал в кровати, чувствуя, как правый висок разрывается от боли, а за окном бушевал

— сухой шторм: деревья гнулись до земли под порывами ветра, который не приносил прохлады, а только запах старой крови и железа. И тогда Он пришел. Не во сне, а в этой странной, искаженной реальности. Его фигура заполнила собой весь угол комнаты, перекрывая свет свечей. Размытое лицо медленно наклонилось ко мне, и я впервые услышал Его голос не как шепот, а как гул тектонических плит:

— Время пришло, сосуд. Дверь приоткрыта.

В ту ночь замок перестал быть просто картинкой в моей голове. Он стал моей единственной реальностью. Вспышка боли в правом виске ослепила меня, и когда я снова смог видеть, я уже не был в своей комнате. Я стоял — внизу.

Здесь всё менялось колоссально. Представьте себе здание, которое строилось не из камня, а из застывшего времени и чужой агонии. Стены замка в

— низу пульсировали, как вены под кожей, и по ним безостановочно струились те самые серые нити, сплетаясь в бесконечные, сводящие с ума узоры. Потолка не было — над головой вращалась бездна, пахнувшая статикой и запекшейся кровью. Погода здесь была отражением моего страха: вместо дождя с неба падал черный пепел, а ветер звучал как шепот тысяч предков, которые не смогли выбраться из этого места.

Я шел по коридору, который растягивался под моими ногами, словно живая плоть. Каждая дверь вела в комнату, где время заиклилось: в одной я видел своего предка из 1800-го, вечно замахивающегося тростью на мертвого, в другой — пустые костюмы исследователей 1920-х, наполненные серой пылью. И в самом конце этого лабиринта, там, где воздух становился таким густым, что его можно было резать ножом, стоял Он.

Ито Нагитуне не был похож на призрака. Он был древнее самой материи. Его тело напоминало переплетение мышц и серых сосудов, а лицо... лица не было. Вместо него была лишь размытая пустота, в которой я видел отражение своего собственного будущего. Он не шел ко мне — пространство само сжималось, подталкивая нас друг к другу.

— Ты — это я, — повторил Он, и на этот раз голос шел не снаружи, а изнутри моей собственной грудной клетки. — Только ты на земле, а я здесь. Мы — две половины одного проклятия.

Он протянул руку. Его пальцы, длинные и неестественно гибкие, коснулись моего запястья. В этот миг мой шрам в реальном мире, на той стороне, вспыхнул невыносимым жаром. Я почувствовал, как в мою кровь вливается холод Бездны. Я закричал, и мой крик разбил — пепельное небо над моим настоящим городом, вызвав сухой шторм, который выбивал стекла в домах на соседней улице.

В ту секунду, когда его ледяные пальцы сомкнулись на моём запястье, «низ» начал сворачиваться, как горящая бумага. Стены-вены замка задрожали, выбрасывая в воздух облака черного пепла. Я почувствовал, как в мой тяжёлый ритм в виске вбивают раскаленный гвоздь. Гул в ушах стал невыносимым, превратившись в рев тысячи реактивных двигателей. Это было моё давление — кровь пыталась вытолкнуть ту чужеродную мощь, которую Ито Нагитуне вливал в мои вены.

Я проснулся в своей детской в луже собственного пота, который пах свежим железом. Окно в комнате действительно было разбито — сухой шторм в реальности выбил стекла именно в ту секунду, когда я закричал во сне. Но страшнее всего была рука.

Моё запястье горело. Я откинул одеяло и замер. Там, где во сне меня коснулось существо, кожа вздулась и почернела. Прямо на моих глазах она лопалась, формируя причудливый, рваный узор. Это не был обычный ожог. Это была печать. Шрам, который в точности повторял переплетение серых нитей Ито Нагитуне. Я смотрел, как он пульсирует в такт моему бешеному сердцу, и понимал: я больше не принадлежу этому миру.

Мама вбежала в комнату через секунду. Она даже не посмотрела на разбитое окно или пепел на полу. Её взгляд был прикован к моей руке. Будучи эмпатом, она почувствовала этот удар Бездны раньше, чем я открыл глаза.

— Цикл... — прошептала она одними губами, бледнея на глазах. — Он выбрал тебя. Он вернулся через сорок пять лет, чтобы забрать то, что принадлежит ему по праву крови.

В тот день моё детство закончилось. Девять лет тишины сменились гулом в голове, который не прекращается до сих пор. Я начал чувствовать людей. Не просто их присутствие, а их страхи, их темные мысли, их уязвимые места. Я понял, что могу не только заходить в — низ сам, но и затаскивать туда других. Я научился истязать их, пробираясь в их разум, пока они спят, оставляя в их головах частичку той гнили, которую ношу в себе.

«Инвазия»

Я моргаю, возвращаясь из воспоминаний о детстве в своё шестнадцатилетнее тело.

То, что я начал чувствовать людей в девять лет, было лишь прелюдией к настоящему кошмару. Сначала это напоминало легкий зуд в затылке, когда кто-то проходил мимо. Но с каждым месяцем этот зуд превращался в дикую, пульсирующую боль в правой височной части. Моя гипертензия стала моим проклятым радаром.

Я стоял в школьном коридоре, и мой шрам на руке начинал гореть, реагируя на каждого, кто проходил мимо. Я чувствовал их не как людей, а как сгустки грязной энергии. Стоило кому-то разозлиться рядом со мной, как в моей голове вспыхивала багровая вспышка. Стоило кому-то испугаться — и я чувствовал на языке вкус холодного пепла.

Ито Нагитуне внутри меня требовал выхода. Этот напор в венах было не просто кровью — это была накопленная мощь Бездны, которой было тесно в моем подростковом теле. Я понял: если я не научусь выбрасывать эту силу вовне, мой череп просто лопнет.

Первый взлом произошёл почти случайно. Моей целью стал мой друг. Не за что-то конкретное, а просто потому, что его разум оказался самым доступным в ту ночь, когда гул веков в моей голове стал невыносимым. Я не просто закрыл глаза — я намеренно потянул за одну из тех серых нитей, которые теперь видел повсюду, ведущую прямо к нему.

Вход в его сон был похож на удар током. Жуткая боль в виске, всплеск моей собственной ярости и... тишина. Я стоял в его подсознании. Оно было жалким и светлым, пока я не привел туда Его. Я шарил в его мыслях, как в старом шкафу, и чувствовал, как с каждым моим движением во сне, мое реальное давление в теле начинает падать. Я сбрасывал на него свою болезнь. Я кошмарил его, чтобы выжить самому.

Но за всё приходится платить. Сбрасывая свою боль на других, я лишь сильнее натягивал нити, связывающие меня с Ито Нагитуне. На следующее утро после того взлома реальность вокруг меня начала давать сбои. Я вышел на улицу, пытаюсь унять остаточное жжение в шраме, и наткнулся на них.

Голуби. Десятки серых птиц заполнили тротуар перед моим домом. Они не ворковали и не искали еду. Они стояли абсолютно неподвижной стеной, преграждая мне путь. Их головы были повернуты под неестественными углами, а глаза казались стеклянными бусинами, в которых отражался не город, а бесконечные своды замка. Один из них, самый крупный, медленно взлетел и сел мне прямо на руку — точно на то место, где пульсировал шрам. Я не почувствовал тепла живого существа, только ледяной холод, от которого онемели пальцы. Птицы признавали во мне хозяина, но их молчаливый караул пугал сильнее любого крика.

А через неделю я увидел её. Стоял нещадный мороз, термометры в городе замерли на отметке -30°C. Люди кутались в тяжелые пуховики, пряча лица в шарфы, но она... она шла навстречу мне в одном легком хиджабе. На ней не было даже тонкой куртки. Её походка была странной, асимметричной, а голова была наклонена под таким углом, словно шейные позвонки внутри были раздроблены. Она оборачивалась на меня каждые несколько шагов, и в её пустом взгляде я видел то самое «пепельное небо». Она не была человеком. Она была посланником из того «низа», куда я каждую ночь уводил своих жертв. Она смотрела прямо на меня, и в её зрачках я читал одну единственную фразу: «Твоя мама знает, кто ты на самом деле».

Эти слова не были произнесены вслух. Они возникли внутри моего черепа, резонируя с той самой дикой болью в правом виске, от которой перед глазами поплыли багровые пятна. Женщина в хиджабе не шевелила губами, но её взгляд — пустой, лишенный зрачков, наполненный лишь пепельным небом — выжигал это знание прямо в моей памяти.

В ту же секунду поднялся сухой, колющий ветер. Голуби, плотной стеной стоявшие на моем пути, одновременно взлетели. Шум их крыльев напоминал хлопки сотен ладоней, а под-

нявшийся вихрь из перьев и ледяной пыли на мгновение скрыл всё вокруг. Когда я протер глаза, переулочек уже не было. Точнее, он был пуст. Ни женщины, ни птиц. Только нещадный мороз в -30 и звенящая тишина, от которой закладывало уши.

Моё давление подскочило так сильно, что я почувствовал металлический привкус крови на языке. Я стоял один посреди замерзшего города, но я вовсе не чувствовал себя его частью. Я был инвазией. Я был чужеродным телом, которое проросло сквозь века, чтобы явиться сюда.

Я развернулся и побрел домой. Каждый мой шаг отзывался в шраме на руке тяжелой, тягучей пульсацией. Я знал, что за дверью нашей квартиры меня не ждет спасение. Там меня ждет та, кто видела начало этого пути. Та, чья эмпатия была для неё проклятием, потому что она знала правду. Она знала, кого она привела в этот мир.

«Обыденность Бездны»

Дверь в квартиру закрылась с тяжелым, глухим щелчком, отрезая меня от нещадного мороза и пустого взгляда женщины в хиджабе. Но тишина внутри не принесла облегчения. Наоборот, она была слишком плотной, почти осязаемой. Я стоял в прихожей, не снимая куртки, и чувствовал, как иней на моих ресницах превращается в холодные капли. В правом виске всё еще гремел железный ритм «низа», вступая в резонанс с тихим тиканьем настенных часов.

Запах... Дома всегда пахло мятой и старой бумагой, но сегодня к этому примешивался едва уловимый шлейф озона, как после сильной грозы. Я медленно стянул ботинки, стараясь не шуметь, хотя знал — мама уже почувствовала мой приход. Её эмпатия была как невидимая сеть, раскинутая по всей квартире. Она знала о каждом моем шаге, о каждом скачке артериального давления, о каждой новой нити, проросшей в моем сознании.

Я прошел на кухню. Там горела всего одна лампа над столом, выхватывая из темноты мамины руки. Она не вздрогнула и не обернулась на звук моих шагов. Она просто продолжала резать хлеб — ровными, механическими движениями. Нож с сухим стуком касался деревянной доски, и этот звук отдавался в моей голове острой болью.

— Садись, чай остывает, — произнесла она, и в её голосе не было ни капли того ужаса, который я только что встретил на улице.

Это её спокойствие всегда сбивало меня с толку. Она вела себя так, будто я вернулся с обычной прогулки, а не из Бездны. Она не придавала значения тому, что мои глаза багровые от лопнувших сосудов, а шрам на руке пульсирует так сильно, что это видно сквозь ткань. Для неё это не было мистикой. Для неё это было нашей повседневностью, частью долгого, изнурительного ожидания, которое началось еще в 1800 году.

В этот момент в прихожую ввалились отец и брат. Они смеялись, стряхивая снег с плеч, и их голоса — громкие, живые, лишённые железного лязга Бездны — разрезали тишину кухни, как тупой нож. Для них этот вечер был просто холодным зимним вечером. Они не видели «пепельного неба» и не чувствовали запаха бойни, который я принес на своей коже.

— Ну и мороз там! — отец весело хлопнул меня по плечу, и в моем правом виске вспыхнула острая, колющая боль. Его прикосновение было слишком теплым, слишком человеческим для моего тела, которое уже настраивалось на ритм замка.

Брат уселся рядом, что-то увлеченно рассказывая о делах в школе, но его слова проплывали мимо меня, как бессмысленный шум. Я смотрел на них и чувствовал ледяную пропасть. Мы сидели за одним столом, ели один хлеб, но я видел то, что им видеть не полагалось. Я видел, как серые нити, тянущиеся от моего шрама, лениво обвивают ножки их стульев, не касаясь их самих, но помечая территорию.

Мама поставила перед ними тарелки, всё с тем же непроницаемым лицом. Она была мостом между моим кошмаром и их нормальной жизнью. Её эмпатия позволяла ей играть роль обычной жены и матери, пока внутри неё кричало осознание того, что её старший сын уже не принадлежит этой семье. Она знала, что отец и брат — всего лишь случайные прохожие в этом цикле, который начался в 1800 году. Они были хрупкими, как бумажные фигурки в пламени, и её молчание было единственным, что удерживало их от того, чтобы не сгореть в моей тени.

— Что-то ты бледный сегодня, — бросил брат, на мгновение замолкнув. — Опять голова болит?

Я кивнул, не в силах разжать зубы. Если бы я открыл рот, оттуда мог вырваться не ответ, а тот самый гул Бездны, который уже заполнил мои легкие. Мама быстро перевела тему, спрашивая отца о чем-то будничном, и я увидел, как её пальцы на мгновение сжались на краю стола. Она не боялась за себя. Она боялась за них.

Брат зашуршал пакетом с чипсами, развалившись на стуле рядом со мной. Он что-то весело рассказывал о сегодняшней тренировке по рукопашному бою, размахивая набитыми кулаками, и на мгновение его ладонь пронеслась в сантиметре от моего шрама. Я инстинктивно отдернул руку, и в моем правом виске отозвался резкий, электрический разряд.

— Эй, ты чего такой дерганный? — брат прищурился, вглядываясь в мое лицо. — Выглядишь так, будто неделю не спал. Опять твоя мигрень?

Я заставил себя выдавить подобие улыбки, но мышцы лица казались застывшей маской. Как объяснить брату, что моя «мигрень» — это гул тектонических плит в 1800-м году? Как сказать ему, что пока он отрабатывал удары на ринге, я шарил в чужих снах, оставляя там запах бойни? Его рукопашка была про физическую силу, а моя — про выживание в мире, который старше самого космоса.

— Просто давление, Брат, — тихо ответил я, и мой голос прозвучал так, будто он доносился из глубокого колодца. — Погода меняется.

Отец в этот момент громко рассмеялся какому-то сюжету в телевизоре, и этот звук ударил по моим нервам, как молот по наковальне. Мама быстро взглянула на меня, и в её глазах я прочитал немую мольбу: «Сдержись. Не здесь. Не сейчас». Она знала, что моя злость — это не просто эмоция, это команда для Ито Нагитуне. Если я сорвусь, «пепельное небо» ворвется прямо в нашу кухню, и брат первым почувствует на губах вкус холодного пепла.

Я встал из-за стола, чувствуя, как ноги наливаются свинцом. Каждое движение стоило мне колоссальных усилий, словно я тащил на себе весь этот проклятый замок.

— Пойду прилягу, — бросил я, не глядя ни на кого.

Проходя мимо брата, я случайно коснулся его плеча. Он вздрогнул и потер руку, пробормотав что-то о внезапном сквозняке. Он не знал, что это был не сквозняк. Это была серая нить, которая на мгновение коснулась его живой, теплой кожи, пробуя её на вкус.

Я закрыл за собой дверь комнаты, и шум телевизора из гостиной мгновенно стал глухим, словно я провалился под воду. Мама так и не проронила ни слова за весь вечер. Она не спрашивала про мороз, не касалась моего шрама. Она просто смотрела на меня своими глазами эмпата, и в этом взгляде было всё: знание о том, как мой правый висок пульсирует в такт замку, и понимание того, что я — это уже не совсем её сын. Она знала, кто я на самом деле. Знала и молчала, выстраивая между мной и остальной семьей невидимую стену из своего безразличия.

Я лег на кровать прямо в одежде. Сил не было даже на то, чтобы снять кроссовки. В темноте комнаты мой шрам на руке начал светиться тусклым, мертвенным светом, отбрасывая на потолок тени, похожие на переплетение ветвей. Давление гудело в ушах, превращаясь в ритмичный шепот.

— Мама знает... — прошелестел голос под самой черепной коробкой. Это был Он. Ито Нагитуне. — Она видит нити. Но она слишком слаба, чтобы их оборвать.

Я чувствовал, как реальность моей спальни начинает истончаться. Стены покрывались серым инеем, а запах мяты из кухни окончательно вытеснил запах свежего железа. Я снова уходил вниз. Там, в бескрайних залах замка, среди мертвых голубей и теней из 1800 года, мне было проще, чем за семейным ужином. Там мне не нужно было притворяться человеком.

Перед тем как окончательно провалиться в транс, я увидел в щели под дверью полоску света из коридора. Мама стояла там. Я видел её тень — она не двигалась, просто ждала, когда я усну, чтобы её эмпатическая связь с монстром внутри меня наконец ослабла. Она была моим единственным якорем, но даже этот якорь медленно разъедала ржавчина Бездны.

«Вскрытие Бездны»

Транс — это не сон. Сон — это милосердие, доступное обычным людям, таким как мой брат или отец. Для меня же это процесс распада. Когда я ложусь на кровать и закрываю глаза, мой правый висок начинает выбивать ритм, который я называю погребальным звоном¹. Моё давление поднимается до отметки, где реальность начинает трещать, как тонкий лед под тяжелым сапогом. Я чувствую, как серые нити на моем запястье оживают, прорастая сквозь простыни, сквозь пол, уходя глубоко в фундамент нашего дома.

В этот момент я перестаю быть человеком. Я становлюсь проводником Бездны.

Моё сознание вылетает из тела, оставляя на кровати пустую, холодную оболочку. Я парю над городом, но вижу его не в свете фонарей, а в багровом мареве. Дома кажутся мне склепами, а люди внутри них — спящими личинками, чья жизненная энергия светится тусклым, притягательным светом. Я ищу цель. И сегодня мой шрам ведет меня к тому, чья голова полна гнилых мыслей.

Вход в чужой разум похож на вскрытие живой ткани. Без жалости. Без следов.

Я чувствую всё, что он делает в этот момент: как его сердце замедляется, как дергаются его веки в фазе быстрого сна. Я просачиваюсь сквозь его защиту, принося с собой запах свежесбитого скота и ледяной холод замка. Его подсознание пытается сопротивляться, выстраивая нелепые барьеры, но я привожу туда Его.

Ито Нагитуне проявляется в чужом сне медленно, как проступает кровь сквозь бинты. Его размытое лицо нависает над жертвой, и я чувствую, как мой собственный висок в реальности начинает пульсировать в экстазе. Я не просто пугаю — я выжигаю их изнутри, оставляя в их памяти черные провалы. Я кошмарю их, чтобы унять ту дикую боль, что разрывает мои вены.

Когда я нахожусь в трансе, замок внизу² открывает мне свои самые потаенные залы. Один из них я называю Залом Коконов. Это бесконечное пространство, где вместо колонн с потолка свисают тысячи серых нитей, сплетающихся в плотные, пульсирующие мешки. Внутри них — те, чьи сны я посетил.

Я шел между этими коконами, и мой правый висок отзывался тихой, довольной вибрацией на каждое их содрогание. Внутри одного я видел того самого одноклассника. Он не спал — он был заперт в моменте своего самого сильного страха, и Ито Нагитуне медленно вытягивал из него жизненную энергию, превращая её в тот самый серый пепел, который кормит замок. Его лицо за тонкой пеленой нитей было стерто, ликвидировано, превращаясь в копию размытого лика моего Хозяина.

В этот момент в реальном мире моё тело на кровати начинало меняться колоссально. Мама, если бы она осмелилась заглянуть в мою комнату, увидела бы, что мои пальцы стали неестественно длинными, а кожа приобрела землистый, гниlostный оттенок — тот самый, что я видел у предка в 1800-м году. Моё давление в этот пик инвазии достигало отметок, при которых обычный человек должен был давно умереть. Но я не был обычным. Я был частью Ито Нагитуне, его земным орудием.

Я чувствовал каждое движение своих жертв в реальности: как они вскрикивали во сне, как их сердца сбивались с ритма. Их боль была моей анестезией. Чем сильнее они мучились там³, тем тише становился гул в моем черепе здесь⁴. Я пил их ужас, как холодную воду, чувствуя, как шрам на руке наполняется темной, тягучей мощью.

В этот момент границы окончательно стираются. Я уже не просто стою в Зале Коконов — я становлюсь самим залом. Каждая серая нить, свисающая с невидимого потолка, превращается в продолжение моих собственных нервных окончаний. Я чувствую, как по ним течет чужой страх, густой и липкий, как деготь. Мой правый висок вибрирует так сильно, что звук

этой пульсации заполняет всё пространство «низа», превращаясь в низкочастотный гул, от которого стены начинают сочиться багровой влагой.

Я подошел к кокону, в котором бился мой друг. Его сознание пульсировало под моими пальцами, как испуганная птица. Я чувствовал дикую, первобытную злость — не свою, а ту, что накопилась в этом замке с 1800 года. Она требовала выхода. Я прижал ладонь со шрамом к серой пелене, и в ту же секунду реальность в моей комнате наверху содрогнулась.

Мама в этот миг, должно быть, почувствовала, как по всей квартире пронесся ледяной сквозняк, пахнувший свежим железом. Она знала, что я сейчас творю. Она чувствовала, как моё давление пробивает все мыслимые пределы, становясь невыносимым. Но я не мог остановиться. Я шарил в чужом разуме, перестраивая его по образу и подобию замка. Я видел, как в его сне небо затягивается пеплом, а из теней выходят голуби с человеческими глазами.

— Ты — это я, — прошелестело в пустоте, и на этот раз я не понял, кто это сказал: Он или я сам.

Наши голоса слились в один. Я чувствовал, как моя человеческая суть вымывается из меня, заменяясь этой гнилой, вечной мощью. Я пил этот ужас до самого дна, пока гул в моем черепе не превратился в блаженную, мертвую тишину. Инвазия была завершена. Я сбросил свою боль на другого, оставив его разум руинами, чтобы мое тело могло пережить еще одну ночь на этой земле.

Возвращение в собственное тело всегда напоминало падение с огромной высоты на бетон. В одну секунду я — абсолютный хозяин Зала Коконков, а в следующую — мои легкие судорожно хватают воздух в душной темноте спальни.

Я открыл глаза. Потолок моей комнаты казался чужим, низким, давящим, словно своды склепа в 1800-м. Мой правый висок не просто пульсировал — он горел, и каждый удар сердца отдавался в глазах вспышками багрового света. Я потянулся к тонометру на тумбочке, но мои пальцы всё еще были серыми, длинными и плохо слушались. Прибор затрещал, когда манжета начала раздуваться, и замер на безумной отметке — 210. Для любого врача это был бы приговор, предвестник инсульта. Для меня — лишь цена того, что я только что «выпил» чужой кошмар.

Я посмотрел на подоконник. Там, за стеклом в нещадном морозе ночи, сидели голуби. Десятки птиц, их глаза светились в темноте тусклым пеплом. Один из них был мертв — он лежал на спине, и его лапки были опутаны тонкими серыми нитями, которые тянулись прямо сквозь закрытое стекло к моей кровати. Замок не отпускал меня даже здесь, в центре современного города.

Я встал, пошатываясь от дикой боли в височной части, и подошел к зеркалу. В отражении на меня смотрел не подросток, а инвазия. Мои зрачки были расширены, а под кожей на шее медленно перекачивались те самые нити, пульсируя в такт Ито Нагитуне. Я знал, что мама за дверью не спит. Она чувствует этот скачок давления, она чувствует запах железа, исходящий из моей комнаты. Но она не придет. Она знает: в эти часы я — не её сын. Я — дверь, которая приоткрыта слишком широко.

«Скрижаль и Тень»

Утро встретило меня серым, выплывшим светом пепельного неба. Я вышел из комнаты, чувствуя себя так, будто мой скелет заменили на ржавое железо. Каждый шаг отдавался в правом виске тупой, тяжелой болью, а в глазах всё еще стояло багровое море вчерашней инвазии.

Брат уже был на ногах. Он стоял в коридоре, закидывая на плечо спортивную сумку — собирался на свою тренировку по рукопашному бою. Стоило мне подойти ближе, как он внезапно замер и встряхнул головой, словно отгоняя навязчивое жужжание. Его тело, натренированное и сильное, инстинктивно среагировало на мой фон.

— Слушай, у нас в квартире что, проводку замкнуло? — Брат подозрительно огляделся, потирая предплечье. — Воздух как будто током бьется. И пахнет... ты что, мясо на ночь в комнате оставил? Запах крови на весь коридор.

Я промолчал, проходя мимо него на кухню. Мой шрам на руке под длинным рукавом кофты пульсировал, и я чувствовал, как серые нити невидимыми щупальцами тянутся к нему, пытаясь попробовать на вкус его молодую, здоровую энергию. Брат посмотрел мне в спину, и я почувствовал его замешательство. Он не видел Ито Нагитуне, но он чувствовал, что его старший брат превращается во что-то, чему нет названия в этом мире.

Мама сидела за столом, молча сжимая кружку с остывшим чаем. Она не подняла глаз, когда я вошел. Она знала, что я принес из «низа» не только усталость, но и Зов. Тот самый зов, который вел меня сейчас вглубь нашего старого дома, в место, которое Ито указал мне в моем багровом сне. Там, за запертой дверью подвала, меня ждало нечто материальное. То, что подтвердит: я уже не просто человек с гипертензией. Я — наследник Бездны.

Этой ночью реальность окончательно дала трещину. Я провалился в транс, который был глубже всех предыдущих — это был «сон внутри сна». Там, за пеленой багрового тумана, Ито Нагитуне лично привел меня к месту, мимо которого я ходил сотни раз. Это заброшенный пустырь за старыми гаражами, мимо которого Брат каждый день возвращается со своей рукопашки. Я видел во сне, как бетонные плиты там пульсируют ядовитым, неоновым светом, и сквозь грязь проступает буква U. Я проснулся всего пару часов назад, но этот неоновый ожог до сих пор стоит у меня перед глазами, как выжженное клеймо.

Мой правый висок сейчас выбивает такой ритм, что я едва вижу дорогу перед собой. Я вышел из дома, и город показался мне декорацией, которая вот-вот осыплется серым пеплом. Запах свежезабитого скота преследовал меня от самого подъезда, и я видел, как голуби на карнизах домов поворачивают головы мне вслед, словно безмолвный конвой.

Я встретил Брата у входа в его секцию. Он только что закончил тренировку — потный, разгоряченный, полный той простой человеческой энергии, которая мне теперь недоступна. Стоило мне подойти к нему, как он внезапно замер. Его уверенные движения бойца сменились странным оцепенением.

— Слушай, что с тобой? — прошептал он, и я увидел, как на его руках выступили мурашки, несмотря на то, что он только что вышел из теплого зала. — От тебя... несет холодом, как из открытого морга. И зрочки... Брат, посмотри на меня нормально. Что с твоими глазами?

Я не мог ответить. В моем горле застрял сухой пепел Бездны. Моя артериальная гипертензия сейчас создавала странный эффект: я видел, как его пульс бьется на шее, я слышал, как его сердце замедляется от страха перед тем, что стоит за моей спиной. В ту же секунду свет в уличном фонаре над нами мигнул и погас с сухим треском, а птицы на крыше гаража одновременно ударились в жестяной козырек, создав оглушительный грохот.

Брат отшатнулся. Он инстинктивно почувствовал, что я больше не просто его старший брат. Я — инвазия. Я — дверь, которая распахнулась слишком широко. Я развернулся и быстро

пошел прочь, в сторону того самого пустыря из моего сна. Неоновый свет буквы U звал меня в реальности, и я знал: сегодня я найду то, что Ито Нагитуне спрятал для меня под толщей мерзлой земли.

Пустырь встретил меня мертвой тишиной. Городской шум здесь затихал, сменяясь низкочастотным гулом, который вибрировал прямо под подошвами моих ботинок. Я шел, ведомый пульсацией в шраме, и каждый мой шаг отзывался в голове сухим хрустом, словно я шел по битому стеклу, а не по замерзшей грязи.

Я нашел то самое место. Обычная бетонная плита, наполовину ушедшая в землю, заваленная мусором и старой листвой. Но для моих глаз, затуманенных артериальной гипертензией, она светилась. Я упал на колени и начал копать. Пальцы мгновенно онемели от холода, ногти срывались о камни, но я не чувствовал боли. Я чувствовал только невыносимую мощь, которая тянула меня вниз.

И вдруг тьма взорвалась.

Мои пальцы коснулись чего-то холодного и гладкого. В ту же секунду из-под земли ударил ядовито-синий, неоновый свет. Он был таким ярким, что очертания гаражей вокруг мгновенно превратились в уродливые, ломаные тени. Я вытянул Скрижаль на поверхность. Тяжелый, черный базальт, в центре которого полыхала буква ##.

Я стоял на коленях в грязи, сжимая в руках ледяной базальт. Ядовито-синий, неоновый свет буквы U заливал мои пальцы, просвечивая их насквозь, обнажая кости, которые казались неестественно длинными. В этот миг напор в моем черепе, секунду назад грозившее разорвать сосуды, внезапно сменилось пугающей, мертвой тишиной. Гул затих. Скрижаль выпила мою боль, заменив её своей ледяной волей.

Я поднял голову. Вокруг не было ни души, но я чувствовал на себе тысячи взглядов. Голуби, плотным кольцом обступившие плиту на крышах гаражей, не двигались. Они замерли, как каменные изваяния, и в их глазах отражалось неоновое сияние моего камня. Городской шум — гул машин, далекие крики, лай собак — всё это исчезло. Остался только сухой шелест пепельного неба и ритмичное пульсирование буквы в моих руках.

Я прижал Скрижаль к груди, и мой шрам на запястье отозвался резким, электрическим разрядом. В ту же секунду по пустырю пронесся ледяной вихрь, поднимая в воздух пыль и обрывки старых газет. В этом хаосе мне почудилось, что очертания гаражей начали плавиться, превращаясь в зубчатые стены того самого замка. Ито Нагитуне был здесь. Он больше не нуждался в моих снах, чтобы проявить себя. Он материализовался через этот камень.

Я медленно поднялся. Каждое движение стоило мне колоссальных усилий, Скрижаль весила целую вечность, но я не мог её бросить. Это был мой билет в один конец. Я развернулся и побрел прочь с пустыря, оставляя за собой цепочку следов, которые светились слабым синим светом. Я знал, что дома меня ждут отец и Брат, но я также знал, что я больше не смогу сесть с ними за один стол. Я принес в наш мир кусок Бездны, и теперь этот мир начнет гнить вокруг меня.

«Иллюзия Света»

На следующее утро после того, как я спрятал Скрижаль, мир вокруг внезапно стих. Пепельное небо за окном сменилось чистым, пронзительно-синим куполом, а нещадный мороз отступил, оставив на стеклах лишь изящные узоры инея вместо ржавых пятен Бездны. Мой правый висок впервые за долгое время замолчал, и я пошел в школу, чувствуя себя почти человеком.

Я увидел её на втором уроке. Она сидела у окна, и солнечный свет, падающий на её волосы, казался мне чем-то запредельным, физически невозможным в моем мире. Её звали Лия. Она была новенькой или просто я раньше был слишком глубоко в «низу», чтобы заметить её присутствие.

Стоило мне пройти мимо её парты, как мой шрам на запястье, обычно хищно пульсирующий при близости людей, внезапно обдал руку приятным теплом. Мой Артериальный Гул, вечно бьющий в 190, выровнялся. Гул в ушах исчез, сменившись тихим, мелодичным ритмом её дыхания. Это было невыносимо прекрасно и страшно одновременно.

Я сел на свое место, и впервые за семь лет мне не хотелось провалиться в транс. Я смотрел, как она пишет что-то в тетради, и видел, что серые нити Ито Нагитуне, тянущиеся из углов кабинета, обходят её парту стороной, словно боясь обжечься о её свет. Она обернулась и улыбнулась мне — просто так, без тени того ужаса, который я привык видеть в глазах Брата или матери.

— У тебя очень странный взгляд, — тихо сказала она на перемене, когда мы столкнулись у окна. — Будто ты смотришь на мир из очень глубокого колодца.

Я хотел предупредить её. Хотел сказать, что я — инвазия, что под моим паркетом дома лежит светящийся неонам кусок смерти. Но я промолчал. Я позволил этой иллюзии нормальности обмануть себя. Я не знал, что Ито Нагитуне просто затаился, давая мне шанс полюбить, чтобы потом забрать эту любовь в качестве самой дорогой дани.

После уроков в школе воцарилась та особенная, гулкая тишина, которая бывает только в пустых коридорах. Лия не спешила уходить. Она стояла у окна в конце рекреации, и золотой свет зимнего солнца, пробивающийся сквозь мутное стекло, рисовал вокруг неё ореол, в котором не было места серому пеплу.

Я подошел к ней, чувствуя, как моё давление — мой вечный палач — замерло на отметке 120. Это было почти физически больно — ощущать себя обычным человеком. Мой правый висок затих, и я впервые за семь лет услышал не гул Бездны, а звук собственного спокойного дыхания.

— Ты ведь не просто так молчишь, — она повернулась ко мне, и я увидел в её глазах не просто любопытство, а какое-то пугающее, глубокое понимание. — Кажется, ты боишься, что если заговоришь, то эта тишина вокруг нас рассыплется, как тонкое стекло.

Она была права. Я боялся, что мой голос, пропитанный железным шепотом Ито Нагитуне, разрушит это мгновение. Я замер, не в силах пошевелиться, чувствуя, как Тьма внутри меня скалится от этой близости. Но вместо того, чтобы убежать в свой «низ», я просто ждал.

И тут она сделала то, на что я бы никогда не отважился. Лия медленно протянула свою руку и накрыла ею мои пальцы, сжимавшие холодный подоконник.

Мои ладони, еще утром казавшиеся мне серыми и костлявыми, в её прикосновении вдруг ощутили жизнь. Настоящую, теплую кровь, которая текла без ярости и боли. В ту же секунду за окном, на школьном дворе, одновременно взлетели сотни голубей. Они не кружили, они просто зависли в воздухе, глядя в наше окно своими пепельными глазами. Я почувствовал, как шрам под рукавом кофты едва заметно кольнуло — короткое, злое предупреждение от Хозяина. Но я не отдернул руку.

— Я просто не привык, что свет может быть таким... настоящим, — прошептал я, и мой голос не сорвался на хрип.

Лия улыбнулась и сжала мои пальцы сильнее. В тот момент я был готов сжечь замок, выкинуть Скрижаль в реку и навсегда забыть свое проклятие. Я позволил себе эту ложь. Я позволил себе верить, что эта девушка — мой единственный щит от Бездны, не понимая, что для неё этот щит скоро станет мишенью.

Мы вышли из школы, и город встретил нас непривычной мягкостью. Нещадный мороз, который еще утром сковывал улицы, внезапно отступил, сменившись легким снегопадом. Крупные хлопья медленно опускались на волосы Лии, и я ловил себя на мысли, что впервые не ищу в этом небе знаки Ито Нагитуне.

Мы шли по аллее, и я чувствовал её плечо рядом со своим. Мой правый висок не пульсировал — он просто грелся в лучах её присутствия. Моё давление держалось на невероятных 120, и мне казалось, что я заново учусь ходить, дышать и смотреть на мир без багрового фильтра инвазии.

— Ты сегодня другой, — Лия поймала снежинку на варежку и улыбнулась. — С утра ты был как натянутая струна, а сейчас... будто у тебя внутри что-то оттаяло.

Я хотел рассказать ей про Скрижаль под паркетом. Хотел предупредить, что голуби, которые сейчас бесшумно летят над нами, — это мои стражи, а не просто птицы. Но вместо этого я просто смотрел на неё. В этот миг я ненавидел свою силу. Я ненавидел замок в 1800-м году и своего предка за то, что они лишили меня права на эту простую прогулку.

На мгновение моя рука в кармане дернулась. Шрам на запястье отозвался коротким, жгучим уколом. Ито Нагитуне ревновал. Он не терпел, когда его проводник отвлекался на человеческое тепло. Я быстро сжал кулак, подавляя эту вспышку, и Лия ничего не заметила. Она продолжала говорить о чем-то светлом, а я шел рядом, понимая, что каждая минута этого счастья — это кредит, который мне придется возвращать кровью.

Мы остановились у её подъезда. Старая железная дверь, выкрашенная в тускло-зеленый цвет, казалась мне входом в другой, защищенный мир, где нет места Ито Нагитуне. Лия обернулась, и снежинки на её ресницах сверкали, как крошечные звезды. В этот миг моё давление было настолько идеальным, что я почти забыл вкус железа на языке.

— Спасибо за прогулку, — тихо сказала она. — С тобой... странно, но очень спокойно. Как будто ты — тишина посреди шторма.

Я горько усмехнулся про себя. Она не знала, что эта тишина — лишь глаз тайфуна, и шторм уже ломает деревья за моей спиной. Я хотел коснуться её щеки, убрать прядь волос, но мой шрам на запястье внезапно отозвался ледяным, предупреждающим уколом. Ито Нагитуне не позволял мне такой близости. Я просто кивнул, пряча руки глубже в карманы.

— До завтра, Лия, — выдохнул я.

Она зашла внутрь, и стоило тяжелой двери хлопнуться, как мир вокруг меня мгновенно изменился. Пепельное небо, которое весь день пряталось, рухнуло на город с новой силой. Температура упала на глазах, превращая мягкий снег в колючую ледяную крупу. Мой правый висок взорвался привычной, разрывающей болью, и я почувствовал, как кровь снова начинает гудеть в ушах, требуя своей доли.

Я обернулся и увидел, что на козырьке подъезда сидит голубь. Он смотрел на меня в упор, и его глаза полыхали тем самым неоновым светом, который исходил от Скрижали под моим паркетом. Иллюзия закончилась. Я снова был инвазией. Я снова был дверью, которую замок начал медленно открывать изнутри.

«Ревность Скрижали»

Ночь после прогулки с Лией стала моим личным адом. Стоило мне переступить порог своей комнаты, как давление ударило в голову с такой силой, что я едва не потерял сознание прямо у двери. 190... 200... 215... Цифры на тонометре мигали ядовитым багровым цветом, а мой правый висок выл, как раненый зверь, запертый в тесной клетке моего черепа.

Под кроватью, там, где лежала спрятанная Скрижаль, началось шевеление. Ядовито-синий, неоновый свет пробивался сквозь щели в паркете, заливая комнату мертвенным сиянием, в котором привычные вещи превращались в уродливые тени. Камень вибрировал, и этот низкочастотный гул отдавался в моих костях ледяным холодом. Ито Нагитуне был в ярости. Он чувствовал тепло Лии на моих пальцах, он чувствовал, что я посмел быть счастливым, и для Него это было предательством.

Я рухнул на кровать, хватаясь за простыни, которые мгновенно покрылись серым инеем от моего прикосновения. Мой шрам на запястье пульсировал так ярко, что я видел сквозь кожу переплетение собственных вен — они почернели, превратившись в те самые серые нити. В этот миг я услышал Его голос — не шепот, а яростный скрежет металла о надгробную плиту прямо внутри моего мозга:

— Ты привел свет в мой замок, — рычал Ито. — Ты думал, что можешь согреться? Ты — лишь мой проводник. И если ты не наполнишь этот мир моим холодом, я наполню его её криками.

За окном, в нещадном морозе ночи, десятки голубей начали одновременно биться в стекло моей спальни. Их клювы стучали в ритме моего бешеного пульса, и я понимал: это ультиматум. Скрижаль требовала дани. И этой данью должен был стать новый взлом, новая порция чужого страха, иначе Тьма доберется до Лии.

Я не мог больше ждать. Моё тело вибрировало в такт Скрижали, и я чувствовал, как серые нити уже тянутся к образу Лии в моей голове, пытаюсь осквернить его своим холодом. Я закрыл глаза, проваливаясь в ледяную пустоту транса. Мой шрам вел меня сквозь ночной город, пока не зацепился за чей-то чужой, тяжелый сон. Это был случайный человек, чью скрытую злость я почувствовал сегодня в толпе. Его разум был полон мелкой гнили, и это сделало его идеальным громоотводом. Вход в его подсознание был мгновенным и беспощадным. Я не просто просочился — я выломал дверь, принося с собой ядовитое неоновое сияние из-под своей кровати. Его сонный мир мгновенно начал гнить, а небо превратилось в черную дыру. Я стоял в центре этого кошмара, и за моей спиной в полный рост возвышался Ито Нагитуне. Он протянул свои костлявые ладони к разуму этого незнакомца, и я почувствовал, как моё собственное давление в реальности начало стремительно падать. Я перекачивал свою боль в него, как ледяной яд. С каждым его безмолвным криком в этом трансе мой висок успокаивался. Я истязал его до тех пор, пока Скрижаль под моим полом не перестала вибрировать. Инвазия была завершена. Я купил Лие еще один день безопасности, заплатив за него чужим рассудком. Когда я открыл глаза в своей спальне, неоновый свет под паркетом почти погас. На часах было четыре утра. Я чувствовал себя опустошенным, но живым. Я подошел к окну и увидел, что на стекле остался след от птичьего клюва — тонкая, едва заметная буква U, выцарапанная прямо в инее. Замок принял мою жертву. Но надолго ли?

Утро встретило меня мертвой, ватной тишиной. Город за окном казался выцветшим, словно кто-то стер с него все краски, оставив только бесконечные оттенки серого. Я вышел из дома, и мой правый висок больше не пульсировал — он онемел, оставив после себя странную, пугающую пустоту. Мое давление, которое всю ночь билось в 215, сейчас рухнуло до неестественных 110, и я едва передвигал ноги, чувствуя себя марионеткой, у которой обрезают нити.

Я шел по улице, и люди вокруг казались мне теньями. Я смотрел на их лица и гадал: кто из них проснулся сегодня с ощущением, что его разум превратился в руины? Чей сон я выпотрошил этой ночью, чтобы спасти Лию? Я чувствовал запах, как перед грозой и свежего железа, который теперь пропитал мою одежду, мою кожу, мои мысли. Голуби на карнизах домов больше не бились в стекла — они сидели неподвижно, провожая меня своими пепельными глазами, как безмолвный почетный караул.

Лия ждала меня у ворот школы. Она улыбнулась, и на мгновение этот серый мир вокруг меня дрогнул, пытаясь вернуть себе цвет. Но стоило мне подойти ближе, как я увидел то, чего не видела она. В её зрачках, прямо в центре, я заметил крошечное, едва различимое неоновое пятнышко — отблеск той самой буквы U. Скрижаль под моим паркетом не просто приняла жертву. Она пометила Лию. Она показала мне, что наше счастье — это всего лишь отсрочка, и замок уже начал прорастать внутри неё, питаясь моей слабостью.

— Ты сегодня совсем бледный, — тихо сказала она, протягивая руку, чтобы коснуться моей щеки.

Я инстинктивно отпрянул, боясь, что холод моей кожи обожжет её.

— Просто не выспался, — выдавил я, и мой голос прозвучал как шелест сухого пепла.

Я знал, что лгу. Я знал, что эта инвазия была только началом, и Ито Нагитуне больше не удовлетворит случайная жертва. Ему нужна была она.

На уроке литературы я сидел прямо за ней, и воздух между нами казался наэлектризованным. Мой правый висок не болел, но я чувствовал странную, холодную вибрацию, которая исходила от её затылка. Я смотрел на её тонкую шею, на светлые волосы, и видел, как серые нити, тянущиеся из углов кабинета, больше не обходят её парту стороной. Они осторожно касались её плеч, пробовали на вкус её тепло, как хищники, которые наконец-то нашли вход в запертый сад.

Она что-то писала в тетради, но внезапно её рука замерла. Она медленно вывела на полях аккуратную, почти каллиграфическую букву U, а затем зачеркнула её густым слоем чернил. Я почувствовал, как моё давление на мгновение прыгнуло до 140, отдаваясь резким толчком в груди. Она не знала, что делает. Она просто транслировала тот шепот, который Скрижаль под моим паркетом теперь направляла прямо в её разум.

— У тебя ручка потекла, — прошептал я, наклонившись вперед.

Она вздрогнула и обернулась. В её глазах на мгновение вспыхнул тот самый ядовито-синий неоновый отблеск, который я видел ночью под своей кроватью. Это длилось долю секунды, но этого хватило, чтобы мой мир окончательно рухнул.

— Ой, и правда, — она растерянно посмотрела на свои пальцы, испачканные в чернилах. — Странно, я даже не заметила, как это нарисовала. У меня такое чувство, будто я всю ночь бродила по какому-то огромному, холодному дому. Я слышала там твой голос, но ты меня не видел.

Я сжал кулаки под партой так сильно, что ногти впились в ладони. Ито Нагитуне начал свою игру. Он не просто пометил её — он начал втягивать её в свой «низ» через мою связь с ней. Я хотел закричать ей, чтобы она бежала от меня, чтобы она никогда больше не смотрела в мою сторону, но вместо этого я лишь молча протянул ей влажную салфетку. Мои пальцы коснулись её кожи, и я почувствовал ледяной разряд, от которого у меня перехватило дыхание. Она была уже не просто девушкой, которую я полюбил. Она становилась частью моего проклятия.

Я смотрел, как она вытирает чернила с пальцев, и в моей голове, перегруженной давлением, внезапно вспыхнула четкая, ледяная мысль. Если Скрижаль пометила её через мою связь, значит, я сам стал тем мостом, по которому холод замка перетекает в её жизнь. Чтобы её не тронуло, я должен был перерубить этот канат. Единственное решение, которое я видел

— это замкнуть всю мощь Ито Нагитуне исключительно на себе, превратив свой разум в герметичный склеп, из которого не выйдет ни одна серая нить.

Это было безумие. Это означало, что мой правый висок никогда больше не узнает тишины, а цифры на тонометре станут моим смертным приговором. Но глядя в её ясные глаза, в которых еще теплился свет, я понял, что готов. Я должен был провести ритуал «заземления» — добровольно впустить в себя всю ярость Бездны, не сбрасывая её на случайных прохожих. Я стану для Скрижали черной дырой, которая поглотит всё неоновое свечение, лишь бы оно не касалось её кожи.

Я чувствовал, как буква U на камне под моим полом дома отозвалась на это решение торжествующим гулом. Хозяин принял вызов. Он был согласен терзать одного меня, если я отдам ему свою волю без остатка. Я понимал, что после этого я окончательно перестану быть человеком, но это была цена, которую я платил за каждый её вдох без примеси пепла. Теперь мне нужно было вернуться домой и сделать то, от чего мой шрам на руке вибрировал в предсмертном экстазе — окончательно срастись со Скрижалью.

Я шел домой через город, который внезапно перестал быть для меня реальным. Мой правый висок не пульсировал — он вибрировал, издавая низкий, утробный гул, который, казалось, заставлял дрожать сами стены зданий. Я нашел решение, и оно было единственным, которое могло оставить Лию в мире живых. Если Скрижаль пометила её через мою кровь, значит, я должен был стать для этой крови окончательным тупиком.

Я заперся в своей комнате, даже не включая свет. В темноте неоновое сияние из-под паркета казалось ослепительным. Я опустился на колени и сорвал доску. Скрижаль ждала меня. Буква U полыхала ядовито-синим огнем, и я чувствовал, как давление в моей голове мгновенно прыгнуло до 210. Но в этот раз я не искал жертву вовне. Я расстегнул рукав, обнажая шрам, который за эти секунды словно прошел путь в девять лет, превратившись в уродливое, выжженное клеймо.

Я прижал запястье прямо к раскаленному неону буквы U.

В ту же секунду мир взорвался багровым светом. Я не кричал — у меня просто не осталось легких, чтобы вытолкнуть воздух. Я чувствовал, как ледяные иглы Бездны входят в мои вены, вытесняя человеческую кровь и заменяя её темной, тягучей массой. Ито Нагитуне торжествовал. Я добровольно открыл ему все двери, превращая свой разум в герметичный склеп для его ярости. Весь холод, предназначавшийся Лие, теперь лавиной обрушился на меня. Я стал живым щитом, заземляя проклятие 1800-го года в собственной плоти. Теперь я был не просто дверью. Я стал самой Тьмой.

«Слияние Бездны»

Я медленно поднялся с колен, и это движение больше не вызывало боли. Мой правый висок, семь лет раздиравший мой череп изнутри, внезапно затих, сменившись глубоким, вибрирующим холодом. В комнате стояла тишина, какой не бывает в мире живых. Неоновое свечение из-под паркета больше не пульсировало — оно ровным, мертвенным слоем покрывало стены, мебель и мои собственные руки.

Я подошел к зеркалу. Мои зрачки полностью исчезли, сменившись пульсирующими точками синего огня, а под кожей на шее медленно перекачивались серые нити, больше не скрываясь. Давление замерло на отметке 210, но я не чувствовал ударов пульса. Казалось, Скрижаль заменила мою кровеносную систему своей ледяной энергией. Я был живым проводником, заземлившим проклятие 1800-го года внутри собственного тела. Я ощущал Лию — её дыхание, её тепло на другом конце города, и теперь я знал, что она в безопасности. Я стал её щитом, но этот щит навсегда отрезал меня от реальности.

В дверь комнаты осторожно постучали. Я ощутил страх Брата ещё до того, как он коснулся ручки. Его живая энергия обжигала моё новое естество, как открытое пламя.

— Брат, ты там? — его голос дрожал от первобытного ужаса. — Мама говорит, что из-под твоей двери течет синий туман. И пахнет... пахнет так, будто здесь вскрыли старый склеп. Открой, пожалуйста.

Я не ответил. Если бы я сейчас заговорил, из моего рта вырвался бы не голос, а гул Бездны, который разрушил бы его разум в ту же секунду. Я посмотрел на окно и увидел, что все голуби, сидевшие на карнизе, замерзли заживо, превратившись в ледяные изваяния. Ито Нагитуне получил то, что хотел. Теперь мой путь лежал только в одно место — на тот самый пустырь под пепельным небом.

Я замер у двери, прижимая ладонь к пульсирующему шраму. Гул Бездны внутри меня требовал выхода, но я заставил его замолчать, заталкивая этот ледяной рев в самый дальний угол своего сознания. Я не мог позволить Брату увидеть то, во что я превратился. Чтобы спасти его разум, я должен был натянуть на себя старую, человеческую оболочку, как изношенную одежду.

Я медленно открыл дверь. Синий туман, только что клубившийся у моих ног, мгновенно втянулся обратно в поры моей кожи, оставив после себя лишь легкий запах статики. Брат стоял в коридоре, прислонившись к стене. Его лицо было бледным, но в глазах уже не было того первобытного ужаса — лишь глубокое, болезненное недоумение.

— Ты чего там заперся? — он постарался улыбнуться, но я видел, как его пальцы нервно постукивают по косяку. — Мама накрутила себя, говорит, гарью несет. Я зашел — вроде всё норм. Просто свет моргал. Ты выглядишь паршиво, будто всю ночь мешки ворочал.

Я опустил голову, пряча синие точки зрачков под челкой. Моё давление 210 вибрировало в груди, заставляя воздух вокруг меня мелко дрожать, но для него это казалось просто сквозняком из открытого окна.

— Просто... голова разрывается, — я постарался, чтобы голос прозвучал как обычно, хотя каждое слово царапало горло. — Проводка в комнате старая, вот и воняет. Я пойду, воздухом подышу. Скажи маме, чтобы не паниковала.

Брат кивнул, и я почувствовал, как напряжение в его плечах наконец спадает. Он не узнал правду. Он не почувствовал, что я — герметичный склеп, запертый в человеческом теле. Я прошел мимо него, стараясь не касаться его кожи, и каждое моё движение было имитацией жизни. Я ощущал Лию — её свет на другом конце города был моим единственным ориентиром.

Я вышел в подъезд, и только когда тяжелая дверь квартиры захлопнулась, я позволил себе выдохнуть. В ту же секунду первая лампочка над моей головой взорвалась, не выдержав

того холода, который я больше не мог сдерживать. Мой путь лежал на пустырь, туда, где мне больше не нужно было притворяться человеком.

Ночной город встретил меня вязким, маслянистым туманом, который поглощал свет редких фонарей. Я шел по пустому тротуару, и асфальт под моими ногами покрывался тонкой сеткой инея. Моё давление 210 вибрировало внутри грудной клетки, как заведенный механизм, который больше не нуждался в сердцебиении. Я осязал Лию — её свет на другом конце города был тонкой, почти невидимой нитью, которая всё ещё связывала меня с реальностью. Я стал её щитом, я запер всё зло внутри себя, и теперь этот холод требовал выхода.

Я миновал старую детскую площадку, и качели начали раскачиваться сами по себе, издавая протяжный, ржавый стон, в котором мне слышался голос Ито Нагитуне. Голуби, сидевшие на козырьках подъездов, не улетали при моем приближении. Они выстраивались в живой коридор, поворачивая головы синхронно с моими шагами. Их глаза в тумане казались мелкими искрами неоновой лампы. Я больше не был частью этого мира, я был инвазией, запертой в человеческой оболочке.

На перекрестке я замер. Из тумана навстречу мне вынырнула фигура — случайный прохожий, закутанный в тяжелое пальто. Когда мы поравнялись, он на мгновение поднял глаза, и я увидел, как его зрачки расширились от первобытного ужаса. Он не видел синего тумана, не видел серых нитей под моей кожей, но его тело ощутило дыхание вскрытого склепа. Он отшатнулся, прижимаясь к стене дома, и я услышал, как его зубы начали выбивать чечетку от внезапного ледяного спазма. Я прошел мимо, не оборачиваясь. Мой путь лежал на пустырь, туда, где пепельное небо окончательно поглотит остатки моего «я», и где Скрижаль наконец-то найдет свой покой.

Когда я ступил на край пустыря, городские звуки за моей спиной мгновенно стихли, словно кто-то выключил звук у старого телевизора. Впереди расстилалось бесконечное море серого пепла, который медленно оседал на ржавые остовы гаражей, превращая их в подобие надгробных плит. Маслянистый туман здесь был настолько густым, что я едва видел собственные ладони, но мой правый висок вел меня безошибочно. Давление 210 вибрировало в резонансе с самой землей под моими ногами.

Я шел к центру, и с каждым шагом очертания реальности вокруг меня начали плавиться. Из тумана проступали зубчатые тени башен того самого замка 1800-го года. Это не была галлюцинация — это была инвазия, которую я принес в себе. Скрижаль под моей одеждой раскалилась, и неоновый свет буквы U просвечивал сквозь ткань, заливая пепел под моими ногами ядовито-синим сиянием.

В самом центре пустыря, там, где я впервые нашел камень, теперь зияла огромная воронка. Вокруг нее, плотными рядами, сидели тысячи голубей. Они были неподвижны, их перья покрылись инеем, а глаза светились тем же синим огнем, что и мои. Они ждали своего проводника. Я чувствовал Лию — её свет был далеко, в безопасности, но здесь, на пустыре, я понимал, какую цену я за это заплатил. Я стал живым щитом, заземлившим этот холод в себе, и теперь этот холод требовал окончательного Слияния.

Я остановился у края воронки и вытащил Скрижаль. Камень вибрировал так сильно, что мои кости начали издавать сухой, хрустящий звук. Я посмотрел в пепельное небо и увидел, как оно начинает закручиваться в гигантскую спираль, центром которой был я. Ито Нагитуне больше не шептал. Он стоял прямо за моей спиной, его ледяное присутствие обволакивало меня, как саван. Слияние Бездны с этим миром достигло своего апогея, и я был готов сделать последний шаг, чтобы навсегда запереть эти ворота изнутри.

Я остановился у самого края воронки. Пепел под моими сапогами больше не хрустел — он вибрировал, откликаясь на каждое сокращение моего невидимого пульса. Я вытащил Скрижаль, и ядовито-синее сияние буквы U на мгновение ослепило меня, выжигая остатки

человеческого зрения. Теперь я видел мир только как переплетение серых нитей и застывших во времени залов замка.

Напор внутри моей грудной клетки достиг критической точки. Я чувствовал, как ребра начинают трещать под напором этой ледяной мощи. Ито Нагитуне положил свою невидимую ладонь мне на плечо, и в этот миг я понял: я не просто принес камень на место, я сам стал этим местом. Моё тело было последним кирпичом в стене, которая должна была навсегда отделить Лию от этого ада.

Я опустил на колени в серый пепел. Тысячи голубей вокруг воронки одновременно раскрыли крылья, но не взлетели — они замерли, создавая живой купол из перьев и инея. Я прижал Скрижаль к самой земле, и в ту же секунду из центра воронки вырвался столб холодного неоновое пламени. Оно не обжигало, оно высасывало жизнь, превращая всё вокруг в монолитный кристалл Бездны.

— Заземление завершено, — прошептал я, и мой голос рассыпался ледяной крошкой по дну воронки.

Я чувствовал, как маслянистый туман начал втягиваться внутрь меня, заполняя пустоту там, где раньше было сердце. Я стал герметичным склепом, запертым под этим пепельным небом. Лия была спасена — я чувствовал её ровное дыхание на другом конце города, как далекое эхо из прошлой жизни. Я отрезал себя от реальности, чтобы реальность не сгорела в моем холоде. Инвазия была остановлена ценой моего окончательного Слияния. Я остался сидеть в центре пустыря, превращаясь в неподвижное изваяние, в вечного стража, который больше никогда не сможет коснуться света.

«Обращение и контроль»

Я стоял в центре пустыря, и пепельное небо надо мной начало пульсировать в такт моему давлению 210. В какой-то момент гул в правом виске стал невыносимым, и я почувствовал, как мои кости начали плавиться, перестраиваясь в иную, нечеловеческую структуру. Это не было болью — это было освобождением. Я закрыл глаза, и мой человеческий облик осыпался с меня, как сухая чешуя.

Из моей спины, разрывая куртку, вырвались острые, как бритвы, серые нити, сплетаясь в подобие крыльев или дополнительных конечностей из застывшего дыма. Мои пальцы удлинились, превращаясь в когти из синего обсидиана, а по венам вместо крови потек жидкий неоновый свет. Я посмотрел на свои руки и увидел, что они стали прозрачными, обнажая пульсирующее ядро Скрижали внутри моей грудной клетки. Я стал Этим — существом, которое Ито Нагитуне вынашивал веками.

Я издал звук, который больше не был криком. Это был резонанс, от которого старые гаражи на пустыре сложились, как бумажные домики. Я чувствовал Лию — её свет теперь не просто мерцал, он был для меня единственным ориентиром в этом сером мареве. Теперь я мог преодолеть расстояние до неё за считанные секунды, скользя между тенями и реальностью.

Но самым страшным было то, что я мог вернуться назад. Одним усилием воли я заставил неоновый огонь втянуться обратно под кожу, а когти — скрыться в подушечках пальцев. Я снова стоял на пепле в облике обычного парня, но внутри меня теперь жил монстр, который только и ждал команды, чтобы превратить этот город в руины замка 1800-го года. Я стал совершенным оружием Бездны, и теперь я должен был решить: использовать эту силу, чтобы защитить Лию, или позволить Существо окончательно поглотить моё «я».

Обратное превращение было мучительным. Я чувствовал, как когти из обсидиана скрежещут, втягиваясь обратно в подушечки пальцев, а дополнительные крылья из серых нитей буквально впиваются в мою спину, оставляя после себя жгучую боль. Мои прозрачные руки снова наливались тяжелой, человеческой кровью. Давление 210 никуда не делось, оно просто вернулось в привычное русло моего правого виска, заставляя мир вокруг снова стать плоским и серым. Через минуту на пепельной земле стоял обычный парень в разорванной в клочья куртке. Я тяжело дышал, и каждый мой выдох превращался в облако синего пара.

Я шел по ночному городу, кутаясь в остатки одежды, и старался не смотреть в витрины магазинов — я знал, что мои зрачки всё еще пульсируют ядовитым светом. Город спал, не подозревая, что по его улицам идет существо, способное превратить эти дома в руины замка 1800-го года. Я чувствовал себя бомбой с часовым механизмом, у которой только что выдержали чеку. Мне нужен был кто-то, кто понимает этот гул в голове. Кто-то, кто не испугается синего пламени под моей кожей.

Именно тогда, в одном из полуподвальных окон старого квартала, я заметил тусклый свет. Вывеска с песочными часами над дверью едва заметно покачивалась, хотя ветра не было.

Я толкнул дверь, и колокольчик над головой издал чистый, хрустальный звон. Внутри пахло не пылью, а канифолью, дорогим табаком и едким запахом — тем самым запахом, который обычно предшествует грозе. За верстаком сидел мужчина лет тридцати пяти. На нем была простая черная футболка, открывавшая крепкие руки, покрытые странными татуировками, напоминающими переплетение серых нитей. Он не выглядел как антиквар, скорее как хирург или инженер, который привык работать с чем-то запредельно сложным.

Он поднял на меня взгляд, и я замер. Его глаза были абсолютно спокойными, но в самой глубине зрачков я заметил едва уловимый, знакомый отблеск — такой же, какой был у меня, когда давление 210 начинало плавить реальность. Он не испугался моей разорванной куртки и тяжелого, синего пара, вырывавшегося из моих легких.

— Давление под завязку, — негромко произнес он, откладывая в сторону тонкий инструмент. — Ито Нагитуне всегда выбирает тех, кто умеет терпеть боль, но он никогда не говорит, что эта боль — всего лишь неверная настройка.

Я почувствовал, как Существо внутри меня настороженно затихло. Этот человек не был жертвой. Он был силой. Он встал, и я увидел, что он двигается с той же хищной грацией, которую я только что ощутил на пустыре.

— Садись, — он указал на тяжелый кожаный стул. — Меня зовут Марк. И я здесь для того, чтобы ты не превратил свою Лию в кусок льда при первом же поцелуе. Обращение — это не дар и не проклятие. Это инструмент. И если ты не научишься держать его за рукоять, он перережет тебе горло. Твои 210 на тонометре — это не болезнь. Это мощность твоего реактора, которую ты просто не умеешь сбрасывать.

Марк встал из-за верстака и подошел к шкафу, заставленному странными приборами, которые больше напоминали детали медицинского оборудования, чем части часов. Его движения были скупыми и точными, в них чувствовалась та самая уверенная сила, которой мне так не хватало. Моё давление продолжало гудеть в затылке, и я видел, как по краям зрения снова начинают расплываться неоновые пятна. Существо внутри меня всё еще скалилось, не желая окончательно уходить под кожу.

— Первое, что тебе нужно понять: твоё давление — это не болезнь. Это индикатор того, сколько энергии Бездны ты в себя впустил, — Марк достал из шкафа старый, тяжелый тонометр с ртутным столбиком. — Ты сейчас как перегретый котел. Если не сбросишь пар, ты просто взорвешься, и твоё Обращение станет последним, что увидит этот квартал.

Он закрепил манжету на моем плече, прямо над пульсирующим шрамом. Я почувствовал, как холод от его пальцев мгновенно приструнил ярость Ито Нагитуне. Столбик ртути стремительно пополз вверх, замирая на отметке, которая заставила бы любого врача вызвать реанимацию.

— А теперь смотри, — Марк положил свою ладонь мне на грудь, в то место, где под ребрами вибрировала Скрижаль. — Ты пытаешься бороться с этим холодом, пытаешься его вытолкнуть. А нужно — принять. Сделай его частью своего ритма. Найди свой якорь. Что-то, что возвращает тебя в реальность, когда серые нити начинают застилать глаза.

Я закрыл глаза. Перед моим внутренним взором мгновенно возникла Лия. Я вспомнил тепло её руки, когда мы гуляли по пепельному городу, и то, как мой шрам затихал рядом с ней. Это было моим единственным спасением.

— Представь, что этот неон — это просто свет, который ты направляешь внутрь, — голос Марка звучал ровно, почти гипнотически. — Не давай ему выплескиваться. Запри его в герметичный склеп своего сознания.

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как ледяной воздух обжигает легкие. Я не боролся с гулом. Я позволил ему течь сквозь меня, не задерживаясь. И внезапно шум в правом виске начал стихать. Я услышал, как ртуть в тонометре с сухим шелестом падает вниз.

— 140 на 90, — Марк удовлетворенно кивнул, снимая манжету. — Для начала неплохо. Ты только что научился первой ступени контроля. Ты — не Существо, и ты — не Ито Нагитуне. Ты — воля, которая управляет этим хаосом. Но помни: Лия — твой якорь, но она же и твоя самая большая слабость. Если Бездна почувствует, что через неё на тебя можно надавить, она вырвет твой якорь вместе с сердцем.

Я смотрел на цифры тонометра и не верил своим глазам. 140 на 90. Впервые за семь лет в моей голове не был раненый зверь, а правый висок не пульсировал раскаленным свинцом. Гул Бездны превратился в едва слышный шепот, который я теперь мог игнорировать.

— Как ты это сделал? — выдохнул я, глядя на Марка. — И кто ты вообще такой? Откуда ты знаешь про Ито Нагитуне и про... про Лию?

Марк не ответил сразу. Он медленно подошел к окну и задернул тяжелую штору, отсекая нас от маслянистого тумана и пепельного неба. Затем он повернулся ко мне и медленно закатал рукав своей черной футболки. Моё сердце пропустило удар. На его предплечье, прямо над веной, горело точно такое же уродливое клеймо, как у меня — неоновая буква U, но она была не синей, а тускло-серой, словно выгоревшей от времени. Вокруг неё кожа была покрыта сетью старых, глубоких шрамов, которые складывались в очертания тех самых башен замка 1800-го года.

— Я — тот, кто не успел спасти свою Лию, — его голос стал на октаву ниже, и в нем лязгнул металл. — Я позволил Существо взять верх, когда давление ударило в 230. Я думал, что ярость поможет мне защитить её, но Бездна не умеет защищать. Она умеет только поглощать. В ту ночь я стер из реальности целый квартал, и её вместе с ним.

Он опустил рукав, и я увидел, как его пальцы на мгновение сжались в кулак. В лавке внезапно стало так холодно, что мой выдох превратился в иней.

— Ито Нагитуне не просто предок, — продолжил Марк, возвращаясь к своему верстаку. — Это вирус. И мы с тобой — его носители. Я потратил пятнадцать лет, чтобы научиться «заземлять» этот резонанс в механику, в эти гребаные часы, лишь бы не превращаться снова. Но ты... ты другой. Твоя связь с Лией сильнее, чем была у меня. Ты — единственный, кто может не просто сдерживать Зверя, а заставить его служить себе.

Он вытащил из ящика стола странный предмет — тяжелое кольцо из темного, матового металла, на котором были выгравированы те же серые нити.

— Возьми. Это твой первый ограничитель. Когда почувствуешь, что Артериальный Гул становится невыносимым, сожми его. Оно поможет тебе перенаправить излишки давления в физическую плотность. И иди домой. Завтра в школе тебе понадобится всё твоё самообладание, потому что Ито Нагитуне не любит, когда его игрушки начинают огрызаться.

Я вышел замер на пустом перекрестке и закрыл глаза. Раньше давление просто выжигало мой мозг, но теперь, после урока Марка, я научился использовать этот резонанс как радар. Я сосредоточился на кольце, сжимая его до хруста в костях, и мир вокруг мгновенно изменился. Стены домов стали прозрачными, а маслянистый туман превратился в карту из серых нитей.

Там, на другом конце города, сквозь километры бетона и спящих кварталов, я «увидел» её тепловой след. Лия сияла в этом сером мареве, как единственная выжившая звезда. Я чувствовал ритм её сердца, спокойный и ровный — моё «заземление» работало идеально. Она была в безопасности, и это расстояние больше не пугало меня. Моя связь с ней теперь была прочнее любой стальной цепи.

Я открыл глаза, и реальность снова захлопнулась, вернув меня в холодный ночной город. Я дошел до своего подъезда, и лампочка над дверью даже не мигнула — я научился втягивать свой холод внутрь, пряча его в герметичный склеп своей оболочки. Завтра в школе мне придется играть роль обычного парня, но это будет самая сложная инвазия в моей жизни. Я зашел в лифт, глядя на свое бледное отражение. В глубине моих зрачков неоновая буква U затаилась, как хищник в засаде. Я вернулся домой, зная: завтра всё изменится.

«Герметичный узел»

Утро началось не с будильника, а с пугающей тишины. Моё давление замерло на отметке 130/80, и это ощущалось почти как физическая пустота — тишина в правом виске казалась вакуумом, в который затягивало все звуки просыпающейся квартиры. Я посмотрел на кольцо Марка. Темный металл плотно облегал палец, и я чувствовал, как он едва заметно вибрирует, поглощая излишки моего неоновых жара.

Я вышел на кухню. Мама возилась у плиты, а Брат сидел за столом, сосредоточенно разглядывая свои забинтованные после тренировки кисти. Стоило мне переступить порог, как он резко вскинул голову. Его инстинкт бойца сработал мгновенно — он не увидел во мне монстра, но он почувствовал плотность. Я больше не был тем бледным, дерганным парнем с вечной мигренью. Я двигался слишком плавно, слишком уверенно для человека, у которого ночью «закоротило проводку».

— Чай? — Мама протянула мне кружку, и я на мгновение замер. Раньше мои руки дрожали бы, а керамика покрылась бы инеем. Но сейчас я сосредоточился на кольце. Я представил, как серые нити внутри моих вен сплетаются в тугий узел, запирая холод в герметичный склеп. Я взял кружку. Кипяток обжег ладонь, и это было чертовски приятно — чувствовать обычную, человеческую боль.

— Ты сегодня... другой, — Брат прищурился, не сводя с меня глаз. — Как будто ты за ночь набрал лишних десять килограммов мышц, хотя выглядишь так же. Что за кольцо?

Я не ответил, просто сделал глоток. Я чувствовал Лию. Теперь, после инициации, моё восприятие пробивало стены города. Её свет пульсировал на другом конце района, как далекий маяк.

— Просто сувенир, — бросил я, и мой голос прозвучал ровно, без того кладбищенского гула. — Пойду, а то опоздаю.

Выйдя на улицу, я понял, что магия Марка работает. Город больше не казался мне враждебным. Маслянистый туман по-прежнему висел над дорогой, но теперь я видел сквозь него структуру каждой трещины на асфальте. Я шел к школе, и люди больше не отшатывались в ужасе. Я стал идеальным хищником, который научился сливаться с фоном.

Когда я вошел в школьный вестибюль, гул сотен голосов ударил по моим чувствам. Раньше это вызвало бы скачок давления до 210, но сейчас кольцо на пальце стало ледяным, заземляя этот шум. Я увидел её у расписания. Лия стояла к нему спиной. Её свет был настолько чистым, что на мгновение мой контроль дрогнул.

Я подошел ближе, чувствуя, как Существо внутри меня довольно заворчалось, признавая свою территорию. Она обернулась. Наши глаза встретились, и в её зрачках я не увидел того неоновых пятна. Она была свободна. Моё заземление работало.

— Привет, — она улыбнулась, и этот звук прошел сквозь меня, как электрический ток. — Ты сегодня... светишься. Буквально.

Я сжал кулак, чувствуя, как грани кольца впиваются в кожу. Я стоял рядом с ней — живое оружие Бездны, запертое в школьный пиджак. Инвазия перешла в стадию мертвого штиля, но я знал: это затишье перед бурей, которую Ито Нагитуне уже готовит в недрах моего нового естества.

Мы сидели на литературе. В классе стояла духота, типичная для этого времени года, но вокруг моей парты воздух казался застывшим, почти кристаллическим. Я чувствовал, как кольцо Марка впивается в палец, работая на пределе. Моё давление держалось на 130, но это стоило мне колоссальных усилий — я буквально завязывал каждую свою мысль в узел, чтобы не дать Существо выплеснуться наружу неоновым паром.

Лия сидела справа от меня. Я видел боковым зрением, как она выводит что-то в тетради, и её свет согревал мой ледяной правый висок. Но стоило мне расслабиться хоть на секунду, как я замечал странное: учительница литературы, монотонно читавшая лекцию, вдруг сбивалась с ритма, когда проходила мимо моего ряда. Она не видела серых нитей, но её голос дрожал, а рука невольно тянулась к горлу, словно ей внезапно не хватало кислорода.

На задней парте сидел парень — обычный тихоня, с которым я никогда не общался. Я затылком чувствовал его взгляд. Он не был связан с Ито Нагитуне, он не был «в теме». Он просто был... чувствительным. Я обернулся на секунду и увидел его расширенные зрачки. Он смотрел на мою спину так, будто там разверзалась черная дыра. Обычные люди — это самые точные датчики моей инвазии. Они чувствуют резонанс, который я принес с пустыря, и этот резонанс вызывает у них животный, необъяснимый страх.

— Тебе не кажется, что здесь чем-то пахнет? — шепнула Лия, наклонившись ко мне.

Я замер. Моё сердце, теперь работающее в ритме Скрижали, пропустило удар.

— Чем? — мой голос прозвучал слишком низко, почти как гул.

— Озоном. Как перед сильной грозой, — она улыбнулась, но в её глазах промелькнула тень беспокойства. — У тебя даже волосы немного электризуются.

Я сжал кулак под партой так, что костяшки побелели. Мой герметичный узел начал ослабевать под её близостью. Лия была моим якорем, но она же была катализатором. Ито Нагитуне внутри меня хотел дотянуться до неё, хотел пометить её снова, и кольцо Марка начало обжигать мне палец, не справляясь с этим напором. Я понял, что не смогу высидеть здесь все сорок минут. Если я сейчас не уйду, этот «едкий запах» превратится в синий туман, который заполнит весь класс.

Я резко вскочил, едва дождавшись кивка учительницы. Стул с противным скрежетом проехался по линолеуму, и я почувствовал, как десяток пар глаз вонзились в мою спину. Лия проводила меня долгим, непонимающим взглядом, и этот взгляд обжег мой затылок сильнее, чем давление.

Я вылетел в пустой школьный коридор. Воздух здесь казался слишком разреженным, почти безвкусным. Моё кольцо Марка раскалилось до такой степени, что кожа под ним начала шипеть. Я ворвался в мужской туалет и с силой захлопнул дверь, проворачивая щеколду. В ту же секунду мой герметичный узел лопнул.

Я рухнул перед раковиной, хватаясь за края фаянса так сильно, что по нему поползли трещины. В правом виске взорвалась сверхновая. Гул Бездны, который я так старательно запираю все утро, хлынул наружу ледяной волной. Я поднял голову и посмотрел в заляпанное зеркало.

То, что я увидел, заставило моё сердце, работающее в ритме Скрижали, замереть. Моё лицо больше не было моим. Кожа стала прозрачной, как тонкое, дымчатое стекло, сквозь которое пульсировали серые нити. Зрачки исчезли, превратившись в два ядовито-синих колодца, из которых сочился неоновый туман. Это была маска Существа — застывшая, хищная и абсолютно лишенная жизни.

— Нет... не сейчас, — прохрипел я, и мой голос прозвучал как скрежет металла по льду.

Я включил холодную воду на полную мощность. Но стоило струе коснуться моих «стеклянных» рук, как она мгновенно превратилась в пар, а затем в иней. Я видел, как в зеркале моё отражение начинает мерцать, накладываясь на залы замка 1800-го года. Ито Нагитуне смеялся где-то в недрах моего сознания, наслаждаясь тем, как легко ломается мой хрупкий контроль.

Я сжал кулак с кольцом так сильно, что грани впились в обсидиановую плоть.

— Марк... помоги, — прошептал я, концентрируясь на холоде кольца.

Я представил, как втягиваю весь этот неон обратно, запирая его в костях. Это было похоже на попытку удержать взрыв внутри консервной банки. Секунда за секундой, маска начала осыпаться. Стекло снова становилось кожей, синее пламя уходило вглубь зрачков.

Когда я снова стал «человеком», я едва стоял на ногах. Посмотрев на свои руки, я увидел, что они дрожат. Я умылся настоящей водой, которая теперь была просто холодной, и вытер лицо рукавом. В зеркале снова был я — бледный, с давлением, которое медленно сползало со смертельных отметок. Но я знал: Герметичный узел больше не надежен. Инвазия внутри меня стала слишком мощной для одной лишь железки на пальце.

Я вышел из туалета, стараясь дышать ровно, но кафель под моими кроссовками все еще предательски похрустывал, покрываясь микроскопической сеткой инея. Я опустил рукава пиджака как можно ниже, пряча дрожащие пальцы и кольцо, которое теперь казалось куском застывшей лавы. В пустом коридоре гул моих шагов отдавался эхом пустых залов замка 1800-го года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.